

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Действие первое.</i> Анхен	5
<i>Действие второе.</i> Звезда	49
<i>Действие третье.</i> Война	135
<i>Действие четвертое.</i> Сяйво	257
<i>Действие пятое.</i> Бенефис	309

Некоторые эпизоды, названия и имена вымышлены. Все характеры описаны в контексте реальных событий

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. АНЧЕН

Поздним вечером в доходном доме недалеко от Владимирской, в квартире на втором этаже была распахнута створка слабо освещенного окна. С улицы можно было видеть потолок с пятном теплого света и стену, на которой играли гигантские тени.

Их игру вызывало пламя керосиновой лампы, стоявшей на тумбочке рядом с диваном. На диване, поджав ноги и завернувшись в шаль, сидела хорошенькая девочка с темными волосами. Она теребила бахрому шали, слушала сказку, которую ей читала мама, и смотрела на тени. Самые длинные и загадочные колыхались в углах. А одна тень, тоненькая и быстрая, без остановки кружила по комнате. Это в ближнем круге света порхал мотылек. Он подлетал к стеклу лампы так близко, что его бархатные крыльшки становились прозрачными.

— И вот у королевы родилась точь... Можете себе представить, какой праздник устроили по случаю ее рождения, какое множество гостей пригласили во творец, какие подарки приготовили!

От мамы пахло лавровицневыми каплями, на ногте у нее было синее пятно — недели две назад она ударила по пальцу, отбивая мясо на кухне. Мама не отличалась ловкостью, а кухарки в доме не было.

Анечка поглядывала на мамин широкий лоб с длинной, появившейся от напряжения морщиной, на ее губы, которые то смыкались, то размыкались, то стягивались в кружочек. Вроде мама двигала губами так

же, как Аня, папа и все остальные люди, а звуки получались другие. Вот странно... Из-за этого мама казалась беспомощной, словно она была не взрослой женщиной, а Аниной младшей сестренкой.

— И фошла старая фея. Старуха наклонилась над кроваткой младенца и, тряся головой, сказала, что принцесса уколет себе руку веретеном и от этого умрет...

— Мамочка, а что такое веретено?

— Это такой палочка, шпиндель, чтобы телать... ган... нитки.

Мама взмахнула рукой, и по стене скользнула большая тень.

— Почему ты по-русски смешно говоришь?

— Потому что я немка.

— Почему ты немка?

Аня не первый раз задавала эти вопросы. Мама всегда отвечала одно и то же.

— Потому что мой фатер... Потому что мои родители немцы.

— А где они живут?

— В России. Вся деревня немцы. Главный там форштегер. Церковь там кирха... Твой гросфатер там кузнец — «шмит» по-немецки.

С улицы донеслись цокот копыт, грохот колес и грубый окрик извозчика, останавливающего про-летку:

— Тпру!

Анечка быстро вскочила с дивана, бросилась к окну, чтобы посмотреть, кто подъехал к их дому. Это был не тот, кого она с нетерпением ждала. Разочарованно скривив губы, девочка вернулась в свой уголок на диване, снова закуталась в шаль.

— А мои бабушка и дедушка знают про меня?

— Да, — не сразу ответила мама.

— Странно... Почему же я их не знаю? — развела руками девочка.

— Ну... так получилось.

Женщина вздохнула. Ребенку это знать не положено. Даже знакомым такое знать не положено. Хотя сюжет интересный, фильм можно снять.

Она часто ходила в синематограф. Там пахло аптекой и немного кондитерской, тапер с неровно постриженным затылком стучал по клавишам пианино, пыльный шар света кипел над головой, и с перебоями жужжал проекционный аппарат. Механик крутил смешные сцены быстрее, сентиментальные — медленнее. На экране плакала Вера Холодная, бегали или дрались разные чудаки, изображали любовь парочки — более красивые и страстные, чем те, что сидели в зале. Зрители много разговаривали, то и дело аплодировали, а она, не отрывая глаз от экрана, доставала из рукава своего выходного жакетика-тайера¹ скомканный носовой платок, готовилась переживать.

В кино про ее собственную страсть главный герой тоже был бы красавцем. Он и сейчас хоть куда... Он — на сцене, она, конечно, — в зале. Она и в жизни всего лишь скромная зрительница, которая восхищенно глядит на своего героя. Но вот чудо — он заметил ее среди сотен других, остановил свой взгляд именно на ней!

Приезд гастролирующей труппы в провинциальный городок — это всегда смятение чувств. «Сегодня в театре состоится пьеса Вильяма Шекспира, любимца грязнухинской публики!» Обыватели глазеют на прогуливающихся по главной улице актеров. Театральные

¹ Костюм-тайер, или костюм-портной (от французского *costume tailleur*) — городской костюм, состоящий из шерстяных юбки и жакета.

герои-любовники, гранд-кокет-дамы выступают в своих лучших платьях, раздавая улыбки поклонникам и поклонницам.

А у тех сердца взбудоражено бывают. Чего ждут от актеров обитатели этого сонного mestечка? Конечно, романа. Пусть и платонического, пусть и наполовину выдуманного. Им хочется тоже побывать героями и героинями. Потом труппа уедет в другой городок сумывать новые сердца, зато поклонникам останутся воспоминания.

Вас позабыть не зная средства,
Я сердцем искренно скорблю;
Хоть в вас царит одно кокетство,
Но я вас все-таки люблю...¹

Хотя бывают исключения... Пленка жизни крутится. О, эти сладостные свидания тайком. Барышня мила и неопытна, а кавалер галантен и искушен в изображении чувств. Он целует ее руку, пальчик за пальчиком, глядя прямо в глаза. И девушка почти теряет сознание от этой неторопливой ласки.

Распахивается дверь, в кадре возникает отец. Его усы топорщатся, глаза сверкают. Грэзно жестикулируя, папаша наступает на любовников. Скандал в почетном семействе! Тапер берет трагические ноты. На черноте экрана повисают белые буквы: «СВЯЗАЛАСЬ С АКТЕРИШКОЙ!»

Девушка мечется по комнатам родительского дома. Ее любимый покинул пределы их городка. Она

¹ «Но я вас все-таки люблю» («Вы мной играете, я вижу...») — старинный русский роман на музыку неизвестного композитора и стихи русского писателя и актера Дмитрия Тимофеевича Ленского (1805—1860).

напугана разлукой и, похоже, кое-чем еще. Неужели... Да, этого следовало ожидать. На экране дрожит очередная виньетка: «ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ ПРИНЕСЛА ПЛОД».

Взяв несколько промежуточных аккордов, тапер переходит на увертюру. В ней слышны быстрый стук каблучков и загнанного девичьего сердца. Барышня бежит по перрону, в руках у нее чемоданчик. Вот она заходит в вагон, паровозный дым сменяется парам, снизу вылетает белое облачко, и... пошли крутиться колеса.

В кино они крутятся не в ту сторону, но это сейчас неважно. Главное, что барышня едет, куда ее влечет сердце. За двойным окном мелькают темные леса, полустанки, красивые станции, не очень красивые станции, большие и маленькие дома — они все теснее стоят. Наконец в кадре появляется высокая башня с часами. Состав прибыл в столицу: «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, НИКОЛАЕВСКИЙ ВОКЗАЛ». Прямо под его высокими сводами девушка падает в объятия любимого. Вокзальная публика — кто с осуждением, кто с пониманием — поглядывает на парочку.

На экране подрожала виньетка: «ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ». Влюбленные идут венчаться. Оба так бедны, что у них нет денег даже на извозчика. Священник соединяет руки молодой четы, накрывает их концом епитрахили.

Эти кадры — самые любимые, она всегда задерживается на них, пересматривает, с улыбкой взгляваясь в подробности. Вот священник говорит важные церковные слова, а молодые слушают, склонив головы: «Жениху предписывается умножаться иходить в мире, а невесте... заботиться о веселии мужа». Последнее время эти слова все чаще всплывают в ее памяти.

Батюшка, держа крест, обводит пару вокруг аналоя, за ними шаферы несут венцы. Молодые держат в руках горящие толстые свечи — символы чистоты и целомудрия. Уже заметна беременность невесты.

Проходит несколько месяцев, об этом сообщают очередные интертитры. В другом городе к церкви подъезжает пролетка, из нее выходит та же молодая пара. У них в руках корзина с младенцем, рядом с ними шагают двое очень нарядных, красивых людей — крестная и крестный.

Когда после обряда все выходят из церкви, какая-то нищенка тянет руку за подаянием. Но они беспечно проходят мимо старухи. Обиженная нищенка грозит клюкой вслед молодому семейству.

Празднование продолжается в нарядной, как бон-боньерка, квартире крестной. «БАХ!» — вылетает пробка из бутылки с шампанским. Отец и крестные музицируют, поют, танцуют, а в ушах у зрителей тренькает быстрый фокстрот, исполняемый тапером. Пение с танцами похожи на настоящее представление. Иначе и быть не может, ведь веселятся профессиональные актеры, одни из лучших. Крестная, так та вообще — примадонна в оперетте.

Новорожденная малышка агукает в своей корзине, дергает ручками и ножками. «ОНА ТОЖЕ БУДЕТ АКТРИСОЙ!» Крестная мать, захмелев, театральным жестом открывает шкатулку и неожиданно дарит молodyм родителям крупную купюру.

И вдруг вместо фильма — серое полотно экрана. Если вставить пленку по новой, кадры опять застыгают и оборвутся на том же месте. А ведь какое интересное начало было. Но нечего больше показывать. Пошла просто жизнь: переезды, Анечкины болезни, бесконечные гастроли мужа. И ожидание, ожидание...

— Мама, я тоже немка?
Женщина улыбнулась, погладила дочь по волосам.
— Du bist deutsche, meine Tochter.
— Почему говоришь по-немецки? — насупилась девочка. — Говори со мной по-русски, как папочка! Gut?
— Gut, gut... Но ты должна знать и сферой немецкий язык.

Акцент матери всегда усиливался от волнения. Она сожалела, что спохватилась так поздно — родным языком ее дочери уже стал русский. Ведь дети учатся говорить, сами того не ведая. Они вслед за взрослыми шевелят губами, складывая первые слова. И их маленькие языки, которые при рождении были просто бутончиками во рту, быстро расцветают, наполняются силой и ловкостью.

Главное чудо случалось на выдохе. Все эти дуновения — «в», «ф», маленькие взрывы — «б», «п» и вибрации голосовых связок приходили сами собой. Так же, как слова. Девочка еще ничего не знала о приставках и суффиксах, а грибницы русских слов росли во все стороны. Озорные и жалостливые, полные любви и снисхождения: были «руки», стали «ручки», «ручищи», «рученьки», «ручонки»...

Конечно, она потом выучит и немецкий, старательно складывая губы на другой манер. Но это уже будет механика, которую придется разбирать по частям.

Мать и дочь помолчали, прислушиваясь к звуку поздней пролетки. Она не остановилась, прогремела вниз. Снова стало тихо, лишь далекий трамвай сердито подал сигнал своей трещоткой. Анечка представила, как трамвай — штанга с колесиком на проводе — едет по темной улице, и поздний пассажир выскакивает из него на ходу, не дожидаясь остановки у монастыря.

— А что там было дальше с той злой старухой? — спросила она.

Мама близоруко склонилась над книгой.

— И тогта старуха, тряся головой, сказала, что принцесса уколет себе руку веретеном и от этого умрет...

— Я не хочу, чтобы она умерла! — расстроилась Анечка.

— Потожди... Но вот тут-то пришла юная фея и громко сказала: не плачьте, король и королева! Фаша точь останется жива.

Во входную дверь громко и дробно постучали. Девочка хорошо знала эту дробь.

— Папочка!

Аня бросилась в прихожую. Редкие дни, когда папа бывал дома, становились праздником.

Недавно они вместе ходили на базар, там Аня видела распряженных из возов огромных волов. На них — цоб, цобэ! — приезжали в Киев седоусые бандуристы и их чернобровые дочери с лентами, рушниками и вышиванками. Было Благовещение, оно совпало с Пасхой, и всюду красовались куличи, крашенки, а в развешенных на будочках клетках щелкали и свистели птицы.

Папочка катал Анию на карусели, качал на качелях. Что за чудесный праздник он устроил дочери! Когда они возвращались домой в разукрашенной, звеневшей бубенчиками пролетке, на коленях у него стояла клетка с диким щеглом. Птичка была нарядная, настоящий щеголь с желтыми крыльями и в красной масочке. Дома они еще раз послушали ее милое пение, потом выпустили птицу в открытое окно.

Отец приехал навеселе.

— Вы еще не спите, дорогие мои!